

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.9>

Матвеева Евгения Сергеевна

РОЛЬ НАСТОЯТЕЛЕЙ МОНАСТЫРЕЙ В ЦЕРКОВНО-ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

В данной статье автор рассматривает субъективные (личные) и региональные особенности, повлиявшие на ссыльных узников, находившихся в монастырях России в XIX - начале XX века. В период активной модернизации и реформ второй половины XIX - начала XX века общественность и государство стремились изменить пенитенциарную систему, облегчая условия содержания. Автор выявил и обосновал роль настоятелей монастырей в церковно-пенитенциарной системе. Вводимые в научный оборот архивные материалы позволяют раскрыть особенности реформирования отечественной пенитенциарной системы на местах, а также предоставляют возможность переосмысления этого опыта в современном контексте.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/5/9.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 50-54. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

союзника, 12 сентября 1944 г. правительство СССР дало согласие на аннулирование решения Второго Венского арбитража, обещало помочь Румынии в возвращении Трансильвании. В 1947 г. решением, принятым на Парижской мирной конференции, Румыния в очередной раз вернула себе право на этот регион.

Список источников

1. Ганзен Э. Собственноручные показания «Деятельность Германской военной миссии в Румынии» // Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944-1951. М.: МФД, 2009. С. 304-309.
2. Исаев А. В. Предисловие // Крестовый поход на Россию: сб. ст. / ред.-сост. М. Чернов. М., 2005. С. 2-10.
3. Киселев В. В., Рахманичев И. Х. Действия войск Южного фронта в начальном периоде Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 14-21.
4. Кустов М. Наемники фюрера. М.: Изд. дом «Трибуна», 2008. 124 с.
5. Покивайлова Т. А. Румыния в годы Второй мировой войны (июнь 1941 – 23 августа 1944 г.). Крах фашистского режима // Краткая история Румынии: с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1987. С. 385-401.
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 18 А. Оп. 6367.
7. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462.
8. Чалая Т. П. Крушение мифа о «Великой Румынии» в годы диктатуры Й. Антонеску (1940-1944) // Военно-исторический журнал. 2010. № 1. С. 13-16.

**ROMANIA'S CLAIMS TO THE FRONTIER SOVIET TERRITORIES AND TRANSYLVANIA
IN THE YEARS OF THE SECOND WORLD WAR**

Malyutina Tat'yana Petrovna, Ph. D. in History

*Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great
chal.04@mail.ru*

The article examines the geopolitical plans of the German commandment concerning the territories bordering Romania – Transylvania, where the Romanians and the Hungarians lived together, and Transnistria Governorate created in the occupied Soviet lands with the capital city Odessa. Relying on previously unknown documents of the trophy fund of the Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (first of all, personal correspondence and proceedings of the meetings of A. Hitler and I. Antonescu) the author shows how Fuhrer used the problem of the border territory status to put pressure on his satellites.

Key words and phrases: geopolitics; Transylvania; Transnistria; Second Vienna Award; A. Hitler; I. Antonescu.

УДК 93/94; 271-9:343.91(47)“18/19”

Дата поступления рукописи: 27.02.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.9>

В данной статье автор рассматривает субъективные (личные) и региональные особенности, влиявшие на ссыльных узников, находившихся в монастырях России в XIX – начале XX века. В период активной модернизации и реформ второй половины XIX – начала XX века общественность и государство стремились изменить пенитенциарную систему, облегчая условия содержания. Автор выявил и обосновал роль настоятелей монастырей в церковно-пенитенциарной системе. Вводимые в научный оборот архивные материалы позволяют раскрыть особенности реформирования отечественной пенитенциарной системы на местах, а также предоставляют возможность переосмысления этого опыта в современном контексте.

Ключевые слова и фразы: церковно-пенитенциарная система; правонарушение против веры и нравственности; ссылка в монастырь; настоятель монастыря; тюремные конгрессы.

Матвеева Евгения Сергеевна, к.и.н.

*Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орёл
evgmtveeva@bk.ru*

**РОЛЬ НАСТОЯТЕЛЕЙ МОНАСТЫРЕЙ
В ЦЕРКОВНО-ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Многие авторы, раскрывающие состояние церковно-пенитенциарной системы России XIX – начала XX века, видели её взаимосвязь с развитием общей стратегии государственной политики в области укрепления законности и правопорядка. Особая роль в решении данных вопросов была отведена монастырям. Основными направлениями в деятельности монастырей были: а) культурно-просветительская работа; б) религиозное книгопечатание и публицистика; в) вопросы паломничества; г) благотворительная деятельность и др. Кроме этого монастыри являлись и элементом в пенитенциарной системе России. Монастырские тюрьмы уже современники воспринимали как печальную и мрачную аномалию, несовместимую с областью веры и религиозных

убеждений. Автор определяет ряд нормативных правовых актов, регулирующих церковно-покаянную систему, вводит новые архивные данные и публикации современников, уточняющие круг лиц, попадающих под данную форму исправления, условия содержания, тип и региональные особенности монастырей [2, с. 13]. Выявляя значение монастырской ссылки в системе наказаний России, автор анализирует роль настоятелей монастырей, влияющих на положение узников, практически пожизненно отбывающих наказание за преступление против веры и нравственности.

Как отмечало большинство современников, церковные наказания сохранялись долгое время только в России, тогда как в других государствах они давно утратили свою жизненную силу. Их наличие является неудивительным, так как они были в те моменты государственной жизни народов, когда отношения между государством и Церковью не были ещё основательно выяснены. Это то время, когда уголовными кодексами были священные книги; когда две власти: и светская, и церковная находились в совершенном слиянии, и когда Церковь за грехи карала уголовными мерами [9, с. 141].

Узниками монастырей могли стать духовные или светские лица, насильственно ссылающиеся в монастыри на постриг, на смирение среди братии или же для заточения в качестве «колодников» или «арестантов». Уже в XVIII веке был определён полный перечень преступных деяний против веры и нравственности, за которые полагалось такое тяжёлое наказание. К ним относились: богохульство, церковный мятеж, совращение лиц в другую веру и вероотступничество, раскол, государственная измена и ересь, уклонение от исполнения общих постановлений Церкви, волшебство и суеверия, святотатство, разрытие могил, лжеприсяга и другие отступления в религиозной деятельности [6, с. 283]. Основными целями заточения были: лишение свободы, лишение возможности распространять свои заблуждения, исправление и раскаяние. При этом нужно отметить, что никто из узников не оставил описания своих страданий и мученичества, так как в инструкциях к настоятелям по их содержанию указывался запрет на предоставление им чернил, карандашей и бумаги, чтобы «никаких писем они никому не писали, ни под каким предлогом» [7, с. 23].

Число духовных лиц, ссылающихся в монастыри, не было значительным. Чаще всего их направляли в дальние монастыри за провинности для исправления. Наибольшее число узников составляли «колодники» и «арестанты», среди которых были дворяне, офицеры, чиновники, канцеляристы, солдаты, купцы, однодворцы, мещане, крестьяне. Меньше было духовных лиц, которых воспринимали как раскольников, еретиков или сектантов. В России XIX века ввиду такой широкой практики сформировался целый ряд монастырей, имеющих региональную специфику, выражавшуюся в сложных природных условиях и отдалённом положении обители. Они воспринимались обществом как тюрьмы и обладали арестантскими отделениями в структуре. Мужчины содержались в Соловецком монастыре, Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре, Сийском монастыре на Северной Двине, Спасо-Прилуцком монастыре у Вологды и др. Среди женских монастырей такую специфику имели Суздальский Ризоположенский монастырь, Суздальский Покровский монастырь, Каширский монастырь Тверской губернии, Енисейский Рождественский монастырь и др.

Эти монастыри, как крепости, окружались массивными каменными стенами с часовыми солдатами. Ворота крепостей не открывались без особого разрешения, или как ранее говорили применительно к должности, «не открывались без благословения отца архимандрита – настоятеля монастыря, который являлся одновременно и комендантом крепости» [Там же, с. 13]. Все монастырские тюрьмы находились вне всякого контроля со стороны судебных и тюремных учреждений, состояли в полном и единоличном заведовании коменданта-настоятеля [Там же, с. 85].

Если рассматривать наиболее крупные монастыри, как, например, Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, то число заключённых в определённые периоды доходило до 100 человек, только четвертая часть из которых могла состоять из духовных лиц. При этом исключений не было ни по возрасту, ни по полу и положению, так как ссылали за правонарушение. Относительно точные данные о числе ссыльных по монастырям, их условиях содержания стали известны к началу XX века, ранее эта информация была закрытой. Только в 1880 году, ввиду краткосрочного послабления в прессе при Лорис-Меликове, появилась возможность большому кругу лиц узнать об истинном положении дел.

Ссыльные особым способом доставлялись в монастырь. Иногда передавались по этапу, но чаще сначала их принимал губернатор, на чьей территории находилась обитель. Далее уже губернатор передавал ссыльного настоятелю. Приезжая в монастырь, жандармы или полицейские, которые сопровождали арестанта, представляли его и инструкции по его содержанию принимавшему архимандриту. Затем он выдавал особую квитанцию-расписку. Содержание этого документа примерно было одинаковым во всех монастырях. К примеру, «доставленный во вверенное мне управление – Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь к содержанию в крепостном арестантском отделении арестант (такой-то) от сопровождающих (таких-то) жандармской команды унтер-офицера (такого-то) и рядового (такого-то) в означенном монастыре сего года и числа, мною благополучно принят, в чём им, унтер-офицеру (такому-то) и рядовому (такому-то), за подписью моею, с приложением монастырской казённой печати, квитанция сия и дана» [Там же, с. 65]. Потом настоятель приказывал обыскать арестанта, изымая все личные вещи и деньги, выдавая только самое необходимое. Личное имущество арестантов находилось на хранении у настоятеля. Далее ссыльного направляли в каземат.

Достаточно часто узники поступали анонимно, без указания имени и принадлежности к сословию, но со строгими установками по содержанию. Даже родственники не могли проследить за судьбой узников, потому что они поступали тайно под ответственность настоятеля монастыря. Николай I был большим сторонником монастырского заточения, но наибольшего развития в России оно достигло к 50-60-м годам XIX века, и до начала XX века эта средневековая форма наказания держалась на том же уровне. Содержание узников

было тяжёлым, но желающих совершить полное раскаяние через чистосердечное отречение от всех еретических заблуждений было мало. В заключение попадали люди, всецело убеждённые в правоте своих взглядов, поэтому они предпочитали завершить свои дни в неволе, а не признать ложью всё то, во что верили. И даже ежедневные увещания и проповеди духовников не приводили к желаемым результатам.

На территории монастырей и за их пределами было много могил без крестов, без плит и без всякой надписи, по которой близкие могли найти дорогого человека. Если уходил из жизни какой-либо идеолог раскола, оставившийся верным своим убеждениям, то его хоронили отдельно от прочих. Настоятели монастырей стремились использовать все средства, чтобы скрыть место его погребения и тем самым предупредить дальнейшую возможность различного паломничества из числа их последователей и почитателей. Захоронение проходило рано утром, тайно, вне стен монастыря. Закапывали без особых почестей, без церковного пения и ладана, без опознавательных знаков и возвышений, в уровень с поверхностью земли. Так, например, были похоронены Максим Рудометкин, основатель секты кавказских прыгунов, декабрист князь Фёдор Петрович Шаховской (но в дальнейшем с памятной плитой), предсказатель монах Авель и другие [8, с. 43]. Ввиду трудных почв (песка или булыжников) и сложных погодных условий для захоронений в холодное время года возникала некоторая региональная специфика. К примеру, в Соловецком монастыре всегда было несколько заранее подготовленных ям для могил, которые предусмотрительно подготавливались узниками по благословлению настоятеля.

В допетровский период заточение в монастырской тюрьме могли присудить только царь, патриарх, митрополит или архиерей. В XIX веке поступали арестанты на основании временных распоряжений Тайной розыскных дел Канцелярии или по окончательным резолюциям Святейшего Синода. С 1835 года, ввиду различных нарушений, основанием для ссылки могло быть только Высочайшее повеление [3, № 11, с. 340]. Но в качестве отбывающих наказание в этот период уже были узники, направленные разными правительственными учреждениями, к которым относились и Святейший Синод, и Комитет министров, и Сенат, и Главный штаб, и даже лица по «секретному отношению из губернаторского правления» [7, с. 22]. Были случаи, когда настоятели монастырей сами становились инициаторами заключения в монастырь. Так, Иван Бураков был заключён в Соловецкую тюрьму за отступление от православия и переход в раскол [Там же, с. 82] по донесению настоятеля Соловецкого монастыря.

Устройство помещений, в которых содержались узники, только по указаниям настоятелей монастырей могло меняться и модернизироваться. К примеру, в историческом очерке М. А. Колчина отмечалось, что первоначальный устроитель казематов в крепостных стенах Соловецкого монастыря, монах Трифон, немало поработал, чтобы заключённые не могли выйти из «молчательных келий», а «свет Божий только украдкою входил бы в эти гробы для живых людей». Это были «особые уединённые места» для людей, которых желали поместить так, чтобы «о них ухо не слышало и глаз не видел» [3, № 10, с. 51, 56]. Коменданты монастырской крепости с «великим бережением» должны были организовать охрану для данных лиц. Подначальные лица запирались или замуровывались в казематы, к которым приставляли особого солдата-сторожа, наблюдавшего и следившего, чтобы не было у арестантов с кем-то общения устного или письменного. Некоторые ссыльные были особо опасны, по мнению начальства, и из-за боязни их влияния на сторожа допускался дополнительный надзор от назначенного монаха. Кроме этого, к заключённому настоятель монастыря приставлял и духовника-священника, который занимался увещанием. Любые тексты проповедей или увещания контролировались также настоятелем и соборными старцами. Только настоятелю монастыря разрешалось при особых обстоятельствах посещать заключённого, сообщая высшему начальству о его поведении. Также только с разрешения настоятеля могли исповедовать и приобщать к святым таинствам узника, но чаще всего это делалось перед смертью или по его особой просьбе. В печати фиксировались иногда и случаи, когда ярые раскольники и еретики (как, например, сектант Фёдор Ковалёв) принимали Православие и отпускались, что происходило только через прошение Синоду от настоятелей монастырей, но это информация уже начала XX века [7, с. 19].

Земляные тюрьмы, которые считались самым тяжким наказанием, по указу Святейшего Синода всё же были замурованы в монастырях к середине XVIII века. Их заменили на особые места для узников, «чтобы не они не могли и их никто не мог видеть» [Там же, с. 39]. Такие уединённые казематы иногда охранялись особой стражей и обустроивались по предварительно составленному плану, утверждённому высшим начальством. Большая часть тюремных помещений в XIX веке представляли собой тёмный, длинный коридор, с затхлым запахом, по бокам которого были входы в небольшие арестантские чуланы. Содержание арестантов было разным, в зависимости от степени нарушения и приложенной инструкции. Остальная часть помещения обычно принадлежала солдатам и стрельцам, а иногда и особым воинским командам. В этих коридорах они жили, ведя караульную службу. В некоторые годы число охраны достигало до 50 человек солдат и одного обер-офицера. Такая близость к арестантам могла привести к дружбе, но чаще приводила к многочисленным неприятным столкновениям между ними. Настоятели монастырей своим авторитетом старались устранить эти разногласия, но и параллельно способствовали обустройству отдельной территории для охраны. Так, например, в 1842 году по просьбе архимандрита Илария Соловецкого монастыря солдат и офицеров перевели в подстроенные особые казармы с решётками на окнах [3, № 10, с. 55]. В любом случае летом надзор был строже, а зимой сама природа становилась препятствием для узников. Именно исключительные климатические условия северных монастырских тюрем: постоянные туманы, длительные полярные ночи, бесконечные суровые зимы, морозы, тьма и мрак окружали заключённых, томившихся в сырых и душных казематах десятки лет.

Рядовые колодники могли размещаться в общих казематах по два человека, но старались свести людей, чьи взгляды на веру не совпадали. С начала XIX века места заключений стали значительно лучше. Узников переводили из сырых казематов в новые, более сухие и светлые. Днём они могли быть в общих коридорах, часто обсуждая вопросы веры, иногда даже в драке. Большое значение имели разряды по степени наказания. Одни сидели

в ручных и ножных кандалах, которые приковывались на цепь к стене. Другие лица носили оковы на руках и ногах или только на ногах, некоторые содержались без оков. Большая часть колодников была задействована настоятелем в работах для нужд монастыря, род деятельности которых изначально фиксировался в инструкциях. Распространёнными работами были труд на кухне, заготовка дров, воды и пр. Для трудных работ давали отдых на несколько часов. Если человек плохо работал и ленился, то по усмотрению настоятеля могли «смирять по монастырскому обычаю нещадно» [Там же, с. 61], сажая на цепь, наказывая плетью и батогами. Самым лёгким из наказаний были сотни поклонов после тяжёлого 18-ти часового рабочего дня. Многие относительно строгости или же слабости содержания узников зависело от настоятеля монастыря, который был единственным начальником и комендантом для всех находящихся в крепости. Именно личностные качества настоятеля влияли на меры воспитательных работ, которые порой доходили до различных «изошрённых форм» [10, с. 123].

После окончания вечерней службы узников отводили в казематы. Положение узников, не назначаемых на работы, было ещё худшим: они годами сидели в сырых, тёмных и душных чуланах без дела. Для чтения настоятели иногда предоставляли арестантам молитвенники или произведения старцев, но разговаривать с ними запрещалось. Стражи, а иногда и сами настоятели всё же могли общаться с узниками, нарушая инструкции.

Настоятели могли разрешить некоторые виды работ выполнять и в казематах: ремонт вёдер, починка обуви или одежды. Эти работы были и для братии монастыря, и для частных лиц, что могло приносить прибыль. Лучшим было положение лиц, которых ссылали для смирения и строгого смотрения за ними. Они наравне с братией должны были трудиться по приказу настоятеля, но если они были обеспеченными и знатными, то могли и откупиться от тяжёлых работ. Однако если в инструкциях по их содержанию были прямые указания относительно строгости или рода выполняемых работ, то милость местного настоятеля, деньги или знаменитое происхождение узника не могли избавить его от работ.

При добрых, гуманных настоятелях жизнь относительно свободных для перемещений арестантов была легче. Их могли водить в церковь по праздникам, предоставляли возможность мыться в банях. Они самостоятельно ходили на кухню за едой или за водой, по территории и вне стен монастыря. Иногда разрешались даже небольшие прогулки. Но всё это было в зимнее время, когда отсутствовали паломники или кто-то ещё из посторонних людей. Летом ссыльные могли только рано утром сходить в баню, когда не было народа.

Если настоятели были суровые, то и положение арестантов делалось невыносимым. Они находились в душных казематах и не выпускались даже по естественным нуждам, тем более – на прогулки. Их хуже кормили (только хлеб и вода), строже относились охранники и т.д.

Один из ярких примеров строгости содержания арестантов был в Соловецком монастыре 1830-х годов при архимандрите Досифее Немчинове. По воспоминаниям арестанта-священника Лавровского, жизнь при этом настоятеле стала несносной. Арестанты находились полностью закрытыми в душных и маленьких казематах по двое. Разные представления о вере у сектантов, содержащихся вместе, делали их существование хуже, чем одиночное содержание. Только один раз в день они могли очистить судна в нужных местах. Самую большую радость испытывали от мягкого хлеба, который был редкостью. Запрещалось освещать каземат, поэтому зимними вечерами ели на ощупь. Жалобу на настоятеля написать было нельзя, так как вся документация проходила через него. Было развито шпионство за всеми, и каждый поступок становился известным настоятелю. Так, Досифей перехватил письмо, написанное на имя старообрядческого епископа Геннадия, с содержанием «Г. I. X. С. Б. П. Н.». Он написал донесения начальству о секретном послании. И хотя выяснилось, что это было безобидное «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, Помилуй Нас», настоятель показал начальству свою дилетантность [7, с. 63]. Духовная Консistorия поддержала его действия и рекомендовала и далее контролировать ссыльных. И такое состояние было бы ещё дольше, если бы не внезапная проверка высшего начальства, которая выявила самовластие Досифея. Жандармский полковник Озерецковский, командированный для ревизии Соловецкого монастыря, отметил, что положение арестантов было слишком тяжёлым, и многие преступники несли наказание более тяжелое, чем их вина. Впоследствии настоятеля сменил Иларий, более мягкий человек, при котором были сделаны существенные улучшения и в быту, и в пище заключённых. Он лично проводил беседы с заключёнными в своей комнате, призывая добрыми словами к исправлению, смягчая тяжесть заключения [3, № 10, с. 64, 65].

Во второй половине XIX века практика ссылки распространилась и на обычные монастыри, которые не имели специальных лиц для охраны. В каждой епархии утверждались списки монастырей, которые могли принимать преступников. А в 1866 году изданное Уложение о Наказаниях уточняло категории лиц и совершенные ими правонарушения, подходящие для заключения в монастырь [4, с. 55]. Многие настоятели монастырей писали в Святейший Синод жалобы о том, что крайне тяготеют возложенными на них исправительными, полицейскими и надзирательными обязанностями. Архивные данные содержат информацию об ущербе, настоятели много раз сообщали о том, что ссыльные не могли сделать что-то хорошее для обитателей [5, д. 94, л. 240].

Со второй половины XIX века многие страны стали проводить различные тюремные конгрессы и съезды организаций и общественных деятелей, занимавшихся реформированием пенитенциарной системы. Первые конгрессы проводились в Америке, отличаясь не только частным характером, но и большим кругом вопросов. Сначала обсуждали пенитенциарные достижения, потом проблемы и статистику, а в завершение – глобальные вопросы нищенства, надзора за проституцией, профилактикой отдельных видов правонарушений и т.д. Постепенно практика тюремных конгрессов распространилась и на Европу, поддерживая общественную дискуссию о реформах и обмене опытом. Уже в 1872 году состоялся I Международный тюремный конгресс в Лондоне, объединивший участников из многих стран для решения общих проблем. В ряде стран выпускали брошюры, личные наблюдения, воспоминания и периодические печатные издания, обсуждавшие вопросы

тюрьмы и ссылки. Так, в России с 1892 года издавался журнал «Тюремный вестник», поднимавший важные проблемы того времени, в том числе и монастырской ссылки. Конгрессы расширили круг заинтересованных лиц, которые стремились реформировать национальные пенитенциарные системы. Стали появляться монографии, учебники и специальная литература, занимающаяся тюремной статистикой. В начале XX века практика заточения в монастыри по России была прекращена.

В завершение хотелось бы ещё раз отметить, что проходившие в XIX веке практически во всех мировых державах реформы национальных пенитенциарных систем не существенно поменяли отношение в России к монастырской ссылке. Хотя общественность и воспринимала её как средневековый пережиток, но законодатель использовал её как форму наказания до начала XX века. Ссылка в монастырь, по сути, была самым тяжёлым наказанием. Как показывают архивные данные, призывол настоятелей монастырей не имел границ. При всех сложных условиях содержания добавлялись природные, которые усугубляли строгостью и бесконтрольностью власти на местах. Настоятели монастырей пенитенциарного типа воспринимались как коменданты тюремной крепости, которые требовательно следовали инструкциям. Кроме этого, они были наделены полномочиями в присуждении и телесных наказаний для узников, которые часто заканчивались смертью ссыльных. Это не приводило к исправлению или раскаянию, шло в разрез с истинными представлениями о Церкви и религии. Скучное питание, одиночное содержание узников, инфекции часто приводили к телесным и умственным заболеваниям. При этом в обители отсутствовали врачи и фельдшеры, так как оказание любой помощи ссыльным приравнивалось к нарушению режима и каралось, по предписаниям настоятелей, телесными наказаниями или такой же ссылкой. При содействии общественных организаций, опирающихся на итоги работы международных тюремных конгрессов, добивались смягчения наказаний и условий содержания. Благодаря печати расширился круг заинтересованных лиц. Многочисленные общественные, религиозные деятели, правоведы, архитекторы, медики, учёные и различные работники тюрем начали детально рассматривать проблемы церковно-пенитенциарной системы. И уже в начале XX века монастырские тюрьмы были упразднены, хотя часть ссыльных ещё отбывали наказания. Настоятели монастырей постепенно теряли свои полномочия в вопросах общего исправления и наказания лиц, концентрируя внимание на вопросах веры, обустройства обители и образе жизни братии.

Список источников

1. **Блок М.** Апология истории, или Ремесло историка / пер. Е. М. Лысенко, примеч. А. Я. Гуревича. М.: Наука, 1973. 232 с.
2. **Елисеев А. Л., Матвеева Е. С.** Формирование региональных особенностей в осуществлении церковного судопроизводства в России на рубеже XIX–XX веков // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2015. № 4 (29). С. 12–16.
3. **Колчин М. А.** Ссыльные и заточённые в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX веках (исторический очерк) // Русская Старина. 1877. № 10. С. 45–69; № 11. С. 333–363; № 12. С. 591–617.
4. **Матвеева Е. С.** Историко-правовые аспекты становления российской пенитенциарной практики монастырей во II половине XIX – начале XX века // Казанская наука. 2013. № 11. С. 55–58.
5. **По делу об освобождении женских монастырей от заключения в них преступниц, присуждаемых к монастырскому заключению светскими судебными местами:** Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому от 30 июля 1868 года // Государственный архив Орловской области. Ф. 220. Оп. 1.
6. **Попов А. В.** Суд и наказание за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1904. 520 с.
7. **Пругавин А. С.** Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантствомъ (к вопросу о вѣротерпимости). М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К, 1905. 130 с.
8. **Сахаров Л.** Историческое описание Суздальского первоклассного Спасо-Евфимиева монастыря. Владимир: Печатня Александровского, 1870. 104 с.
9. **Филиппов О. А.** Очерк русского уголовного права. Петербург: Тип. П. А. Кулиша, 1866. Вып. 1. Часть I. Уголовные наказания. Часть II. Исправительные наказания. 200 с.
10. **Шалыпин С. О.** Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков: монография. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. 240 с.

HEGUMENS' ROLE IN THE RUSSIAN ECCLESIASTICAL-PENITENTIARY SYSTEM OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Matveeva Evgeniya Sergeevna, Ph. D. in History
*Central Russian Institute of Management,
 Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel
 evgmatveeva@bk.ru*

The author examines subjective (personal) and regional peculiarities influencing exiled prisoners' residing in the Russian monasteries in the XIX – at the beginning of the XX century. In the period of intensive modernization and reforms of the second half of the XIX – the beginning of the XX century, the society and the state tried to change the penitentiary system mitigating confinement conditions. The author identified and justified hegumens' role in the ecclesiastical-penitentiary system. Using previously unknown archival materials the paper reveals the peculiarities of reforming the domestic penitentiary system at the local level and provides a possibility to reconsider this experience in the modern context.

Key words and phrases: ecclesiastical-penitentiary system; offence against faith and morality; exile to monastery; hegumen; prison congresses.